

Мас. 1358

ФЕЛЬТОНЪ.

Критическое обозрѣніе.

1.

Ивановъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, А. Чехова („Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 3).

Драма молодого беллетриста, судя по столичнымъ газетамъ, имѣла несомнѣнный и значительный успѣхъ какъ на сценѣ, такъ и въ печати. Съ моей точки зрѣнія этого совершенно достаточно, чтобы счесть «Иванова» выдающимся явленіемъ текущей литературы, заслуживающимъ подробнаго изученія. Въ литературныхъ произведеніяхъ, главное, что меня интересуетъ, это — степень ихъ воздѣйствія на умы, чувства и нравы публики, особливо же — уясненіе секрета этого воздѣйствія. Разъ сочиненіе, будь оно хоть семи пядей во лбу, прошло незамѣченнымъ публикою, — единственная вещь, меня въ немъ занимающая, кроется только въ объясненіи причинъ ея паденія. Со временемъ, когда найдется критикъ, который-бы пересмотрѣлъ, съ этой точки зрѣнія, причины возвышенія и паденія произведений словесности различныхъ эпохъ и

народовъ, онъ, навѣрное, и только этимъ путемъ, откроетъ давно и тщетно искомые научные законы литературной эстетики. До этого намъ еще далеко. Я заявляю объ этомъ единственно съ цѣлю пояснить, что самъ по себѣ я совершенно чуждъ всякихъ предвзятыхъ критическихъ и эстетическихъ «масштабовъ» и «указокъ», и буду разбирать произведенія текущей литературы не какъ строгій судья литературный, а только какъ обыкновенный читатель, «одинъ изъ публики», руководствующійся единственно лишь чутьемъ, инстинктами и потребностями толпы. Ея приговоры не вѣчны, конечно. Но даже и въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда послѣдующія поколѣнія «отмѣняли» или «оставляли безъ послѣдствій» ея сужденія, все-жъ облюбованныя ею произведенія навсегда оставались лучшими указателями духа и стремленій данной эпохи, по самой-же меньшей мѣрѣ — характернѣйшими «знаменіями времени». Но довольно предисловія и программъ...

Содержаніе драмы г. Чехова можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Николай Алексѣевичъ Ивановъ, че-

«Подробное изл. сцен. в кн.: Лордкипанидзе О. А. А. П. Чехов в Тифлисе, грузинском городе. Тбилиси, «Мецниереба», 1978, с. 64–68.

ловѣкъ, обладающій «незурядною» натурою, задавался возвышенными стремленіями. Онъ «въ одиночку воевалъ съ тысячами», «билъся лбомъ о стѣны», увлекался и увлекалъ другихъ «необыкновенными школами», «горячими рѣчами» и т. п. Онъ роздалъ и транжирилъ довольно изрядное состояніе свое и влѣзъ въ долги. Между тѣмъ онъ женился на еврейкѣ Саррѣ Абрамсонъ, увлекавшей его благородными порывами и сильнымъ характеромъ, но скоро остылъ къ ней и затосковалъ. Уже черезъ пять лѣтъ семейнаго счастья онъ находитъ въ своей дѣятельности «сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько нелѣпаго!» И онъ поучаетъ юношество такъ: «Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло. Это теплое, честное и здоровое. А жизнь, которую я пережилъ—какъ она утомительна, ахъ какъ утомительна!» Но самъ лично Ивановъ не въ силахъ осуществить этотъ совѣтъ. Остывъ къ женѣ и къ жизни, онъ не находитъ никакого иного выхода, кромѣ самоубійства. Даже новая любовь, «дѣятельная любовь» энергичной дѣвушки Шуры, за-

дающей цѣлью спасти и поддержать эту благородную и сильную натуру, не въ силахъ преодолѣть его тоски. Судьба складывается, повидимому, благопріятно. Опостылѣвшая жена умираетъ въ чахоткѣ. Шура, дочь богатыхъ родителей, сама устраиваетъ свою свадьбу съ Ивановымъ. Но этотъ послѣдній, находя, что тоска его неизлѣчима и что ему не слѣдъ губить новой, молодой жизни, отказывается отъ свадьбы и стрѣляется у ногъ любимой дѣвушки. Въ этомъ и драма.

Вокругъ этой драмы вертятся люди нарочито заунывные, очевидно съ цѣлью оттѣнить всю внутреннюю пониженность и безсодержательность общественной жизни «въ одномъ изъ уѣздовъ средней полосы Россіи». Мнѣ незачѣмъ повторять упрека, уже адресованнаго г. Чехову однимъ изъ столпныхъ критиковъ, насчетъ того, что дѣйствующія лица, окружающія героевъ драмы, не отличаются ни тишичностью, ни характерностью. Упрекъ этотъ равносильенъ требованію, почему «Ивановъ» не «Горе отъ ума» или не «Ревизоръ». Безспорно, второстепенныя лица драмы г. Чехова плоски и даже карикатурно плоски. Без-

увадовъ средней полосы Россіи» балетристы могъ-бы срисовать съ натуры цѣлую орду безсодержательныхъ выповъ, еще не отиѣченныхъ и не увѣковѣченныхъ литературой. Но мало-ли что «могло-бы быть, ежели-бы да кабы». Г. Чеховъ не сумѣлъ и не потрудился поставить своихъ героев въ натуральную среду. Устремивъ все свое вниманіе, какъ дѣлаютъ модные фотографы, на главныхъ дѣятелей драмы, г. Чеховъ для фона взялъ обычные декораціи малярной работы, не давъ себѣ труда даже и подновить потускнѣвшіе штрихи или краски. Наша читающая публика невзыскательна на этотъ счетъ. Пусть только произведеніе заключаетъ въ себѣ хоть грубый намекъ на отраженіе новаго жизненнаго явленія, пусть оно хоть урывкомъ выхватываетъ нѣзъ дѣйствительной жизни типичную черту, никѣмъ еще не подмѣченную, — этого нашему читателю или зрителю за глаза довольно. О стройномъ единствѣ картины, о полномъ соответствіи и взаимодействіи всѣхъ подробностей и тоновъ, о жизненной правдѣ и основныхъ, и детальныхъ колоритовъ намъ-ли думать?

3

Слава Богу, если хоть нѣсколько очертаний, особенно главныхъ, сколько либѣдъ похожи на дѣйствительность.

Съ этой точки зрѣнія г. Чехову, безспорно, повезло поддѣлаться въ жизни дѣйствительно реальное явленіе. Какъ-бы грубо-карикатурно ни были намалеваны дѣйствующія лица драмы «Ивановъ», изображающія изъ себя не живыхъ людей, а только тезисы семинарской диссертаци, самъ герой вполне типиченъ и реаленъ, въ томъ, конечно, смыслѣ, что подобныхъ ему людей теперь въ Россіи «видимо-невидимо». Я не говорю, что типъ этотъ изображенъ г. Чеховымъ такъ, какъ сумѣлъ-бы проникнуть въ него или осмыслить его орлиный взглядъ глубокаго сердцевида или социолога, какихъ не мало дала русской литературѣ школа Гоголя, — о, нѣтъ. Но уже и то, что подмѣчено и намѣчено въ этомъ характерѣ г. Чеховымъ, несомнѣнно должно было пойти прямо къ сердцу и зрителя, и читателя пьесы. Масса людей на Руси, видная словами герою драмы г. Чехова, имѣла полное основаніе сказать: «и моего тутъ капля меду есть». А вѣдь

это ощущение читателя и составляет главный элемент успѣха и плодотворности литературныхъ произведеній.

«Ивановъ, человѣкъ обладающій «незаурядною» натурою», написалъ я выше. Но теперь мнѣ необходимо пояснить, что эта «незаурядность» чисто относительная: въ сравненіи съ сѣрою массою пьянчужекъ и картежниковъ, его окружающихъ, Ивановъ, безспорно, выдается хотя-бы уже тѣмъ, что имѣлъ и имѣетъ понятіе о высшихъ стремленіяхъ человѣческаго ума и сердца, хотя-бы уже тѣмъ, что тяготится пустотою жизни. Шура, она же и Саша, благородно увлекающаяся имъ, несмотря на клеветы и недоумѣнія всѣхъ его ярыхъ хулителей и ненавистниковъ, прекрасно отгѣняетъ личность героя слѣдующими словами, дающими явственное понятіе объ общемъ фонѣ положенія:

с а ш а. Ахъ, да все это скучно и скучно! Ивановъ, Ивановъ, Ивановъ, и больше другихъ разговоровъ. Удивляюсь! (Обращаясь къ молодымъ людямъ). Положительно удивляюсь вашему терпѣнію, господа! Неужели вамъ не скучно такъ сидѣть? Вѣдь воздухъ застылъ отъ тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шеве-

литесь! Ну, если нѣтъ у васъ другихъ сюжетовъ, кромѣ Иванова, то смѣйтесь, пойте, пляшите, что-ли... Ну, послушайте, сдѣлайте мнѣ такое одолженіе! Если не хотите плясать, смѣяться, пѣть, если все это скучно, то прошу васъ, умоляю, хоть разъ въ жизни, для курьеза, чтобъ удивить или насмѣшить, соберите силы и всѣ разомъ придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтобы было смѣшно или ново! Или всѣ разомъ совершите что-нибудь маленькое, чуть замѣтное, но хоть немножко похожее на подвигъ, чтобы барышни хоть разъ въ жизни, глядя на васъ, могли-бы сказать: „Ахъ!“ Послушайте, вѣдь вы желаете нравиться, но почему-же вы не стараетесь нравиться? Ахъ, господа! Вы всѣ не то, не то, не то...”

Не трудно сообразить, что въ обществѣ, гдѣ дѣлашки приходится какъ маннѣ небесной жажда, чтобы у нея *хоть разъ въ жизни* захватило духъ и вырвалось восклицаніе «Ахъ», не требуется особенныхъ задатковъ и подвиговъ, чтобы прослыть «незаурядною натурою». Жена нашего героя, Сарра, слушая «возвышенную рѣчь» влюбленного въ нее молодого доктора, говоритъ:

„Вотъ точно такъ-же и онъ (Ивановъ) когда-то говорилъ. Точь-въ-точь. Но у него глаза больше, и, бывало, когда онъ начнетъ

говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли. Говорите, говорите!"

Мнѣ незачѣмъ, послѣ этого, группировать другихъ чертъ для характеристики нашего героя и его среды. Вы видите въ чемъ дѣло: «воздухъ застылъ отъ тоски», симпатичнымъ, благороднымъ натурамъ хочется ощущать тепло жизни, хочется видѣть хоть подобіе подвига, и онѣ до нелзя воспримчиво относятся къ силамъ и стремленіямъ нашего героя. Сарра, дочь богатѣйшихъ евреевъ, настолько увлеклась имъ, что бросила свою семью, вѣру, состояніе, презрѣвъ мольбы, проклятья и безпощадный гнѣвъ родителей. Шура, несмотря на клеветы и ожесточеніе, со всѣхъ сторонъ окружающіе Иванова, несмотря на его разореніе и паденіе, предлагаетъ ему свою любовь и состояніе, предлагаетъ бѣжать съ нимъ хоть въ Америку или остаться на мѣстѣ-же, не боясь слыть его любовницей. Эти натуры способны, какъ видите, на подвигъ на саможаканіе; значитъ «среда» Иванова не абсолютно-же безплодна для его моральнаго воздѣйствія. Да что барышни. Люди и зрѣлыхъ лѣтъ, и со-

лиднаго общественнаго положенія, вполне состоятельныя, въ родѣ отца Шуры, Лебедева, миллионера и предсѣдателя земской управы, относятся къ герою съ неограниченнымъ довѣріемъ и даже съ любовью.

— «Гляди на меня какъ на друга, — говоритъ онъ Иванову. Студенты мы съ тобой, либералы... Общность идей и интересовъ... Въ московскомъ университетѣ оба учились... Alma mater...» и т. п.

Эта дружба доходитъ даже до того, что отецъ, Лебедевъ, содѣйствуетъ свиданіямъ дочки съ Ивановымъ и не препятствуетъ ихъ браку, хоть и считаетъ его пагубнымъ...

Почему-же, при наличности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, герой нашъ не преодолеваетъ своей тоски и бездѣятельности, и почему, въ особенности, столь безусловное доказательство его внутренняго безсилія нисколько не отвращаетъ отъ него симпатій не только его обожательницъ, но даже и публики?

Вѣдь, если на это дѣло смотрѣть просто, глазами обыкновеннаго смертнаго, но только адроваго смертнаго, дѣло выйдетъ самое что ни на есть пустѣйшее. Съ моей, чисто заурядной, точки зрѣнія простого средня-

6
то человека, казалось бы, чего же проще: человеку даны и силы, и стремления, и средства, и поддержка, и поле безграничное деятельности на свежей, непочатой почве, где докладываются даже и подобием подвига. Работай себя, черт возьми, и преуспевай в своих задачах: какого тебе еще рожна! Откуда тут может взяться тоска, или уныние, или усталость? Но герой наш тоскует и убивается, объясняя себя и другим свою неудачу лишь тем, что онъ непосильную ношу сначала же на себя поднялъ.

«Если когда-нибудь в жизни тебе встрѣтится, — говорит Иванов, — молодой человек, горячий, искренний, неглупый, и ты увидишь, что онъ любит, ненавидит и вѣрит не такъ какъ всѣ, работает и надеется за десятилетъ, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны; если увидишь, что онъ ввалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и тянутся жилы, то скажи ему: „не спѣши расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни: пьянѣй, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба! Въ 30 лѣтъ ужъ настаетъ похмелье и ты будешь старъ... И будешь тебе казаться, что любви вадоръ, ласки притворны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошли и стары-

И куда ни ступишь, всюду будешь ты вносить тоску, холодную скуку, недовольство, отращиваніе къ жизни, и не будетъ тебѣ спасенія!»

Этотъ заключительный монологъ героя драмы, произносимый въ поясненіе послѣдующаго самоубійства, всеконечно, взятъ изъ жизни, а не составляетъ, выражаясь слогомъ лейкинскихъ купеческихъ дочекъ, «продукта головного воображенія» г. Чехова. Кажется даже, что монологъ этотъ соответствуетъ настроенію большинства публики, и потому служить объясненіемъ и успѣха пьесы «Ивановъ», и симпатій къ герою драмы. Дѣйствительно, «вадурь», о которомъ говоритъ Ивановъ, заурядное явленіе въ жизни нашихъ героевъ, и, повторяемъ, цѣлая масса нашихъ дѣятелей могли не узнать, конечно, себя, а ощутить въ сердцѣ кое-что, схожее съ настроеніемъ и съ воплями чеховскаго героя. Когда на подвиги идешь не потому, что того требуетъ твоя натура, не потому, что безъ этого жизнь не жизнь, а только потому, что барышнямъ кажется, что «воздухъ застылъ отъ тоски» и было бы чудесно, если бы кто-нибудь заставилъ

ихъ воскликнуть «Ахъ», то, понятное дѣло, всякая, даже и пустѣйшая, ноша скоро окажется непосильною. Тутъ не то что въ 30, а и въ 20 лѣтъ — если ты не совсѣмъ глупъ и пошлъ — поймешь и ощутишь, что игра не стоила свѣчей. Но если тяжкую свою ношу ты взвалилъ на себя не развлечения ради скучающей публики, а потому только, что по ходу дѣла видимо было, что того требуется интересъ дѣйствительно для тебя дорогого существа или дѣла — положишь, потому, что только этимъ путемъ ты могъ спасти жизнь своего ребенка — то, какъ-бы ни хрустѣла спина, какъ-бы ни тянулись жилы, никогда въ жизни въ тебѣ не явится сожалѣнія о своихъ надломленныхъ силахъ. Тутъ даже и полная неудача, даже и абсолютный надрывъ никогда не приводятъ къ раскаянію, разъ существуетъ убѣжденіе, что сдѣлалъ все, что можно было. И этого ощущенія «пустоты жизни» — внѣшней, общественной жизни — не можетъ быть у людей, которые въ себѣ самихъ не посятъ безысходной пустоты ума и сердца. Воздухъ стынетъ отъ тоски

только вокругъ тѣхъ, въ комъ нѣтъ капли собственной души, кто въ жизни ищетъ и ощущеній, и работы, и симпатій, и привязанностей. Здоровымъ-же натурамъ всего этого незачѣмъ искать, ибо все это въ нихъ существуетъ и ищетъ лишь выхода, примѣненія къ жизни, тоже вѣчно богатой матеріаломъ для приложения всякой существующей силы. Если про нашу жизнь можно сказать, что она пуста, что въ ней не къ чему приложить свои силы, то, спрашивается, къ какой-же это жизни примѣнимо понятіе о полнотѣ? Ужъ не къ европейской-ли, или къ американской, гдѣ чуть-ли не каждая пядь земли издавна орошена потомъ и кровью массы предшествовавшихъ поколѣній, и гдѣ кромѣ рутинной, машинальной работы почти что уже нечего дѣлать? Если наша «новь», гдѣ есть просторъ каждой живой натурѣ, каждой оригинальности, каждой мысли, нечего дѣлать свѣжему человеку, полному силъ, то гдѣ пайдетъ онъ себѣ болѣе благодатную почву и болѣе благородную арену дѣятельности? Нѣтъ, глядя на дѣло

трезво, и несмотря на всё кажущіяся затрудненія «минуты» — только и усиливающих необходимость и достоинство подвига — приходится сознаться, что «прямолинейный» тупица врач, обвинитель Иванова, какъ онъ ни глупъ и бездаренъ, все-жъ додумался до безошибочной разгадки, когда онъ, съ первыхъ же словъ пьесы, читаетъ такую тираду Иванову:

«Я выслушалъ васъ и... и, простите, буду говорить прямо, безъ обиняковъ. Въ вашемъ голосѣ, въ вашей интонаціи, во говоря ужъ о словахъ, столько бездушнаго эгоизма, столько холоднаго безсердечія»...

Повѣрьте, «голосъ» человека никогда не вретъ: это безошибочный, безпристрастный свидѣтель. Впрочемъ, и безъ того ясно, что все дѣло тутъ въ отсутствіи въ героѣ г. Чехова искренней и глубокой любви. Кому-же неизвѣстно, что люди «надорвавшіеся» подъ непосильною ношею любви, приходятъ подъ конецъ къ сожалѣнію не о томъ, что «ласки притворны», что «любовь вздоръ», а развѣ о томъ, что не сохранилось силъ физическихъ и дальше служить ей одной?

М. Араимъ,

< Н. Д. Николадзе >

Н. Д. Николадзе — французский издатель издатель
бюд. изд. общ.-инт. деятел., «русско-франц. издательство»